

и граи' Радн' АР

Г. Е. Потапова

«ВСЁ ПРИЯТЕЛИ КРИЧАЛИ, КРИЧАЛИ...»

**(Литературная репутация Пушкина
и эволюция представлений о славе
в 1820—1830-е годы)**

1830-е годы были во многом переломной эпохой в развитии русской литературы. Отвергались многие старые ценности и утверждались новые, пересматривались прежние литературные репутации. Не случайно в эту переломную эпоху интенсивнее, чем когда-либо, задумывались над факторами, определяющими читательский успех, славу писателя. Ведь представления о том, что такое литературная слава, каковы механизмы ее возникновения и распространения¹, — это немаловажная составляющая представлений о месте писателя в культуре и в обществе в це-

---

¹ Некоторые аспекты этой проблемы были рассмотрены в 1920-е годы Л. Шюккингом (рус. пер.: Шюккинг Л. Социология литературного вкуса/Ред. В. М. Жирмунский. Л., 1928).

лом, и исследование того, как эволюционировали представления о славе в ту или иную эпоху, могло бы оказаться любопытным во многих отношениях.

В литературной полемике тех лет нередко возникали своего рода легенды о причинах славы того или иного писателя. Так, у Н. В. Гоголя в «Театральном разезде после представления новой комедии» один персонаж, обозначенный как «литератор», следующим образом рассуждает о только что кончившейся комедии, в которой угадывается «Ревизор»: «...да ведь это все вздор, это всё приятели, приятели хвалят, всё приятели! Я уже слышал, что его чуть не в Фонвизины суют, а пиеса просто недостойна даже быть названа комедию. <...> Просто друзья и приятели захвалили его не в меру, так вот он уж теперь, чай, думает о себе, что он чуть-чуть не Шекспир. У нас всегда приятели захвалят. Вот, например, и Пушкин. Отчего вся Россия теперь говорит о нем? Всё приятели кричали, кричали, и потом вслед за ними и вся Россия стала кричать»². В этом монологе по-гоголевски гротескно преломилась одна из своеобразных легенд о Пушкине, пущенных в ход враждебной поэту критикой 1830-х годов. Отчасти эта легенда о славе, созданной приятелями, была перенесена и на Гоголя, который воспринимался петербургскими журналистами во многом как писатель пушкинского круга³.

Разоблачать эту легенду сегодня уже ни к чему: время расставило все по своим местам. Но стоит повнимательнее при-

² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. V. С. 141.

³ Еще Н. С. Тихонравовым отмечено, что слова о приятельских похвалах пародируют суждения Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского, относящиеся к 1836 г. (см.: Гоголь Н. В. Соч. 10-е изд. СПб., 1889. Т. II. С. 781—785). Очевидно, сюда надо добавить еще и рецензию Н. А. Полевого на второе издание «Ревизора» (Рус. вестн. 1842. № 1. Отд. III. С. 60—62). Хотя документальных свидетельств о знакомстве Гоголя с этой статьей не имеется, трудно все же допустить, что, находясь в Москве, он не читал статью Полевого: ведь даже из-за границы Гоголь настойчиво просил присылать ему все отзывы о его произведениях. К тому же весь монолог «литератора» отсутствует в первой редакции «Театрального разезда...» и появляется именно во второй редакции, написанной в июле — октябре 1842 г. Мысль о том, что Гоголя захвалили друзья, звучит у Полевого еще отчетливее, чем у Булгарина и Сенковского. Собственно, вся его рецензия от начала до конца строится как развитие именно этой мысли. Знакомство Гоголя со статьей Полевого подтверждается еще и тем, что «литератор» упоминает имя Шекспира, не упоминавшееся в рецензиях Булгарина и Сенковского («...он уж теперь, чай, думает о себе, что он чуть-чуть не Шекспир...»). О притязаниях Гоголя на славу Шекспира говорил именно Полевой: «...мнимые друзья автора увидели в „Ревизоре“ что-то шекспировское, превознесли его, прославили. <...> Разве Шекспир только мог бы так писать о себе и о своих творениях и так говорить о характере своего Гамлета, как г. Гоголь говорит о характере Хлестакова» (Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика. Л., 1990. С. 337).

смотреться к ее глубинному смыслу, связанному, в конечном итоге, с той сменой представлений о писателе и его месте в обществе, которая происходила в русской культуре в 1820—1830-е годы. Для этого проследим сначала, как и кем создавалась легенда, пародированная Гоголем в «Театральном разъезде...».

Чрезвычайно часто встречаются обвинения такого рода в разгоревшейся в 1830 г. полемике о «литературной аристократии» (так именовали пушкинский круг, сплотившийся около «Литературной газеты»). Например, Булгарин в «Северной пчеле» обвинял П. А. Вяземского в том, что он пишет «только панегирики своим друзьям и филиппики против несогласных с ним во мнениях»⁴. В «Сыне отечества и Северном архиве» высмеивались приятели-литераторы Ряпушкин, П. Коврыжкин и барон Шнапс фон Габенихтс, в которых читатели легко угадывали Пушкина, Вяземского и Дельвига⁵. Другой противник «Литературной газеты», М. А. Бестужев-Рюмин, изобразил на страницах «Северного Меркурия» некую Аделаиду Антоновну Габенихтсину, владелицу нового магазина (под которым подразумевалась «Литературная газета»): «Если теперь поступает в продажу что-нибудь из рукоделья ее приятельниц, то Аделаида Антоновна так и рассыпается мелким бесом и не знает, как бы лучше расхвалить мастерство дорогой кумушки»⁶. Подобные выпады против пушкинского круга нередко встречаются и в «Московском телеграфе»⁷.

Упрек в расхваливании друг друга предъявляли еще писателям-«арзамасцам». Так, в комедии А. С. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент» (1817) литератор Беневольский мечтает: «Тут же встретятся мне авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себе громкую славу, признаны бессмертными — в двадцати, в тридцати из лучших домов, я к ним буду писать послания, они ко мне, мы будем хвалить друг друга. О, бесподобно!»⁸

Представление о приятелях, расхваливающих друг друга, было самым расхожим и в борьбе «Благонамеренного» с так называемым союзом поэтов (А. А. Дельвиг, Е. А. Баратынский, В. К. Кюхельбекер). Об их «самохвальстве» и «кругохвальстве»

⁴ Сев. пчела. 1830. № 13. 30 янв.

⁵ Коврыжкин П. Запоздалое предисловие к «Альдебарану»//Сын отеч. и Сев. арх. 1830. Т. XI. № 16. С. 244—246.

⁶ VI. XI. <Бестужев-Рюмин М. А.> Сплетница//Сев. Меркурий. 1830. № 49. С. 195.

⁷ См., например, рецензию: <Полевой Н. А.> «Монастырка». Соч. А. Погорельского; «Федора» <...>. Соч. П. Сумарокова//Моск. телеграф. 1830. № 5. С. 93—95.

⁸ Грибоедов А. С. Соч. М., 1988. С. 179.

говорил на страницах «Благонамеренного» Б. М. Федоров в своих статьях и пародийных стихотворениях⁹. Аналогичные обвинения выдвигал против «союза поэтов» Булгарин в статье «Литературные призраки», помещенной в «Литературных листках»¹⁰.

Применяемая к «литературной аристократии» памфлетная кличка «знаменитые друзья» заставляет вспомнить о литературных полемиках десятилетней давности, когда часто шло в ход это выражение, заимствованное журналистами из заметки А. Ф. Воейкова в № 13 «Сына отечества» за 1821 г.¹¹ Особенно часто такая кличка использовалась в статьях, направленных против Вяземского¹². Сочинители этих статей обычно старались подчеркнуть, нападая на «авторов, которые обвинялись, как плющ, около великих талантов и под сенью их наслаждаются славой, ничем не заслуженною»¹³, дарование ведущего поэта «новой школы» — Жуковского — они почитают. Но нередко за этими уверениями было ошутимо неприятие «школы Жуковского» в целом.

В 1829 г. Н. И. Надеждин в статье о «Полтаве» применил к Пушкину слова из басни И. А. Крылова, в которой говорится о муравье, воображавшем себя великим, а на самом деле дивившем своими «подвигами» лишь свой муравейник¹⁴. Подобные толки возбудил и вышедший в 1829 г. сборник стихотворений Дельвига¹⁵.

В 1830 г. пушкинский круг, включавший в себя и «арзамасцев», и членов «союза поэтов», объединился в «Литературной газете». Вполне естественно, что прежние упреки в «кругохвальстве» с удвоенной силой возобновляются врагами нового издания. Но в нападках начала 1830-х годов появляется и нечто новое по сравнению с первой половиной 1820-х годов.

⁹ Письма в Тамбов о новостях русской словесности//Благонамеренный. 1824. № 7. С. 54—55; Союз поэтов//Благонамеренный. 1822. № 39. С. 512—514; Сознание//Благонамеренный. 1823. № 11. С. 342—344. Ср. также: *И. <Яковлев П. Л.> Средства распространять круг своих читателей//Благонамеренный. 1824. № 15. С. 213.*

¹⁰ Лит. листки. 1824. № 16. С. 93—94.

¹¹ См.: *Полевой Кс. А.* Записки. СПб., 1888. С. 98—99.

¹² См., например: *Дмитриев М. А.* Отрывок из Кодекса знаменитости//Вестн. Европы. 1824. № 9. С. 58—62; *А. А. А. <Писарев А. И.>* Нечто о Словах//Вестн. Европы. 1824. № 12. С. 290; *<Булгарин Ф. В.>* Маленький разговор о новостях литературы//Лит. листки. 1824. № 8. С. 323.

¹³ *Писарев А. И.* Еще разговор между двумя читателями «Вестника Европы»//Вестн. Европы. 1824. № 8. С. 309.

¹⁴ См.: Вестн. Европы. 1829. № 8. С. 289.

¹⁵ Так, о «неумеренных похвалах писателя своим друзьям» говорил рецензент «Галатеи» (1829. № 19. С. 187).

Конечно, сам по себе упрек в том, что какого-либо писателя не в меру расхвалили его друзья и сторонники, не имеет в себе ничего особенно характерного: этот упрек вечен. Однако к началу 1830-х годов во многом изменились сами представления русских критиков о норме отношений между писателем и публикой. Причину этого следует искать в постепенной демократизации литературы, во вхождении в русскую культуру массового читателя. Период салонного и кружкового бытования литературы кончается, и в свои права вступают законы книжного рынка¹⁶. В этих условиях утверждения журналистов о том, что слава Пушкина была сильно преувеличена его друзьями и потому нуждается в пересмотре, становятся одним из моментов борьбы против традиций «салонной», «аристократической» литературы вообще¹⁷. Демократизация литературы приводит к тому, что меняются сами представления о месте писателя в обществе — и не в последнюю очередь представления о том, что такое литературная слава, как и кем должна она создаваться.

Прежде отношения между писателем и его читателями строились в представлении критиков иерархически. Писатель должен был ориентироваться на суд немногих беспристрастных знатоков, обладающих просвещенным вкусом. «Ищи людей, которые способнее других ценить твои работы: их суд есть голос современников и приговор потомства. Имей друзей, согласных с тобою в образе чувства, в желании действовать и в выборе цели», — советовал писателям В. А. Жуковский в 1808 г. и продолжал: «Непристрастная заслуженная похвала избранных, которых великое мнение управляет общим и может его заметить, вот слава истинная, продолжительная, достойная иска-

¹⁶ См.: Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М., 1929; Эйхенбаум Б. М.: 1) Мой современник. Л., 1929. С. 56—57, 62—70; 2) О литературе. М., 1987. С. 434—435.

¹⁷ Следует подчеркнуть, что отвержение «салонной» литературы было тесно связано с тем процессом демократической переоценки ценностей, который происходил в общественном сознании 1830-х годов. Вообще отношение публики к тому или иному писателю все в большей мере определялось той политической позицией, которой придерживался этот писатель. Так, Булгарин нападает на Пушкина во многом именно с «третьесловных» позиций. Охранительное содержание булгаринских нападок этому не противоречит: дело в том, что охранительные взгляды были в то время присущи весьма значительной части разночинной публики. Но упреки Пушкину могли предъявляться и с радикально-демократических позиций. Например, Белинский в своем знаменитом зальцбрунском письме к Гоголю утверждал, что Пушкину «стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 286).

ния!»¹⁸ Суждение знатоков противопоставляется суждению публики, врожденный вкус которой еще не отшлифован воспитанием. «Публика, милостивый государь, дама: она любит, чтобы ее водили под руку. Имеет вкус, но не отягощает его трудом сравнивать, избирать и потому часто бывает эхом любимого журнала. Сим расположением публики должно пользоваться, направляя его ко всему изящному посредством благоразумной критики», — писал в 1820 г. А. А. Бестужев¹⁹. Толпа склонна к предубеждениям, затмевающим ясность разума и вкуса. Жуковский в цитированной выше статье говорит, что рукоплескания толпы «повинуются внезапному побуждению», и называет некоторые причины этих «случайных похвал»: «... один хвалит из дружбы, другой из жалости, третий из противоречия, четвертый в надежде подкупить, пятый от равнодушия (<...> шестой из зависти, желая оскорбить или унижить соперника»²⁰. Известность, основанная на суждениях толпы, — это лишь мнимая слава, или мода. Она преходяща, как преходящи по природе своей сами человеческие эмоции и заблуждения: «Слава, которой человек обязан заблуждению, есть иллюзия славы, которая разрушается при первых же лучах разума и истины»²¹. Истинная же слава основывается на суждениях ценителей, обладающих образованным вкусом. Она непреходяща, и время лишь способствует ее утверждению: «Слава как река, которая делается все более многоводной по мере удаления от истоков (<...> и как родники, которые бьют все сильнее по мере того, как проходят века»²².

Следует подчеркнуть, что ориентация на поэзию «для немногих» не являлась собственно элитарной или эстетской. Ведь она совсем не исключала мысли о широкой славе, время для которой настанет тогда, когда уйдут в прошлое сиюминутные заблуждения публики.

Правда, в первой половине 1820-х годов критики-декабристы (и не только они) упрекали поэтов школы Жуковского в отсутствии общезначимого содержания, высоких гражданских идей и требовали от литературы «непритворного изложения чувств высоких и к добру увлекающих»²³. Однако и самому Жуковскому вовсе не было чуждо убеждение в том, что поэзия

¹⁸ Жуковский В. А. Письмо из уезда к издателю // Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 165—166.

¹⁹ Декабристы: Эстетика и критика. М., 1991. С. 59.

²⁰ Жуковский В. А. Письмо из уезда к издателю. С. 166.

²¹ Гельвеций К. А. Соч. М., 1973. Т. 2. С. 285—286.

²² Там же. М., 1973. Т. 1. С. 88.

²³ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 270.

должна пробуждать в человеке высокие чувства (конечно, не в декабристском понимании). В цитированной выше статье Жуковский говорит, что писатель, увлекшийся минутным успехом и забывший о требованиях истинного вкуса, «никогда не достигнет благородной цели писателя — пользы, распространения идей, благодетельных для человечества, наслаждений, совершенствующих душу»²⁴.

С другой стороны, самим декабристам не чужд критерий «образованного вкуса», а также представление о руководящей роли «ценителей» в восприятии литературных произведений массой «публики» (это доказывают приведенные выше слова из статьи Бестужева). Таким образом, в принципе схема соотношений между писателем и публикой здесь остается такой же, как у Жуковского.

Не нарушают этой иерархической схемы и те критики, которые нападают на «кругохвальство» в среде «знаменитых» и в «союзе поэтов». Они по-прежнему апеллируют к просвещенному вкусу как к высшему авторитету в литературных вопросах. «Дружеские похвалы» вызывают их протест именно потому, что они якобы основываются на личных привязанностях, заставляющих пренебрегать беспристрастностью образованного вкуса.

К 1830-м годам сама иерархичность прежней схемы соотношений между писателем, ценителями и публикой ставится под сомнение. Кс. А. Полевой замечал в 1829 г., что «в русской публике давно слышны жалобы на безотчетные похвалы сочинениям Пушкина»²⁵. О том, что публика восстает против магии имен и хочет произвести определенную переоценку ценностей, свидетельствует хотя бы напечатанная в том же году в «Дамском журнале» эпиграмма по поводу издания Баратынским и Пушкиным «Бала» и «Графа Нулина»:

Два друга, сообщась, две повести издали;
Точили балы в них и все нули писали;
Но слава добрая об авторах прошла,
И книжка вдруг раскуплена была.
Ах! часто вздор плетут известные нам лица,
И часто к их нулям мы ставим единицы...²⁶

Эту тенденцию использует враждебная Пушкину журналистика. Булгарин, Надеждин, Полевой начинают говорить о ложности той репутации, которая прежде создавалась немногими «ценителями», а публикой принималась на веру.

²⁴ Жуковский В. А. Письмо из уезда к издателю. С. 167.

²⁵ Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика. С. 370.

²⁶ Л. Авторы//Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 363.

Глубина осмысления этих вопросов могла быть очень различной. Так, Булгарин, апеллируя к широкой публике и отвергая суд «немногих», заботился в первую очередь о коммерческом успехе собственных сочинений, а уж попутно предъявлял «литературным аристократам» якобы принципиальные упреки с демократических позиций. «Дух литературных партий (существовавший и существующий везде) и положение г. Булгарина как журналиста и читаемого автора лишают его удовольствия выслушать в России печатный справедливый приговор своим трудам. Кроме того, автор „Димитрия Самозванца“ не употребляет никаких известных мер для приуготовления мнения общества большого света в свою пользу: не читает предварительно своих сочинений в рукописи в собраниях, не задобривает суждения тех, которые имеют вес в обществе, но трудится в тишине кабинета, печатает и отдает свои сочинения на суд беспристрастной публики», — говорится в «Северной пчеле» по поводу нового романа Булгарина «Димитрий Самозванец»²⁷. Чтение сочинений в рукописи «в собраниях», в «большом свете» — все это приметы периода «салонного» бытования литературы, конец которого предвещает «Северная пчела». Впрочем, говорить в таком духе о суде публики Булгарин начал гораздо раньше. В 1824 г. он писал о Вяземском как об одном из «сочинителей, которые смотрят на вещи чрез цельные стекла гостиных и по слухам пишут о России и русских сочинениях», и восклицал: «Гораздо легче прослыть великим писателем в кругу друзей и родных, под покровом журнальных примечаний, нежели на литературном поприще в лавках хладных книгопродавцев и в публике»²⁸. То, что Булгарин столь рано заговорил о коммерческом успехе как о едва ли не высшем критерии ценности художественных произведений, во многом объясняется его собственной литературной практикой.

Что же касается Надеждина, то он возмущается торгашеством в литературе, однако отчасти вторит Булгарину, осуждая с демократических позиций «литературную аристократию». То, что «литературные аристократы» именуют славой, для Надеждина всего лишь «молва, скитающаяся по гостиным и будуарам на крыльях журнальных листков, вместе с модами и известиями о *Лебедянских скачках*»²⁹. Позднее, в 1832 г., Надеждин, говоря о Пушкине, повторит, что «его народность ограничивалась тесным кругом наших гостиных, где русская богатая при-

²⁷ Сев. пчела. 1830. № 22. 20 февр.

²⁸ <Булгарин Ф. В.> Литературные новости, замечания и прочее//Лит. листки. 1824. № 7. С. 281—282.

²⁹ <Надеждин Н. И.> «Евгений Онегин», роман в стихах. Глава VII, сочинение Александра Пушкина//Вестн. Европы. 1830. № 7. С. 197.

рода вылощена подражательностью до совершенного безличия и бездушия. Отсюда непрочность его успехов и славы»³⁰.

Н. А. Полевой, тоже одушевленный стремлением к демократизму и народности, подкрепляет представление о публике как о высшем суде для писателя, ссылаясь на романтическую концепцию искусства как высшего выражения народного духа. Для романтической критики значение поэта определяется уже не тем, насколько его произведения отвечают вневременным требованиям «образованного вкуса», а тем, насколько творчество поэта созвучно с духом его эпохи и его народа. На смену вневременным представлениям классиков о вечных законах искусства приходит романтический историзм. Крепнет убеждение в том, что то содержание, которое сумел запечатлеть автор в своем произведении, имеет для всех его современников (или соотечественников) непосредственно жизненное значение. А потому естественно представление Полевого, что «венок лавровый в наше время дается <...> с приговора народов»³¹. *Здесь и сейчас* надо обращаться к публике и ждать ее справедливого суда: «Смело передавайте публике высокие тайны души вашей: она оценит и поймет их; ни одна прекрасная мысль, ни одно изящное слово не ускользнет от ее внимания»³².

Новые представления о норме отношений между писателем и публикой остаются в общем-то чуждыми пушкинскому кругу. «В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа. У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя» (XII, 180), — эти строки написаны Пушкиным в 1833 г., причем к словам «для малого числа» он делает следующее примечание: «Сии, с любовью изучив новое творение, изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащие» (XII, 180). Здесь место писателя в цивилизованном обществе характеризуется практически в тех же категориях, что и в цитированной выше статье Жуковского (ср.: «...похвала избранных, которых великое мнение управляет общим и может его заменить»). Разве что в словах о «творении, не подлежащем суду публики», звучит горечь, которой не было у Жуковского, — горечь навеянная одиночеством поэта в годы торжества «торгового направления» в литературе.

Такие представления отнюдь не исключают признания высокой общественной роли писателя: «...дружина ученых и писателей, какого б <рода> <?> они ни были, всегда впереди во всех

³⁰ <Надеждин Н. И.> Летопись отечественной литературы//Телескоп. 1832. Ч. IX. № 9. С. 122.

³¹ Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика. С. 30.

³² Там же. С. 91.

набегах просвещения, на всех приступах образованности» (XI, 163). Но дело в том, что эту роль писатели выполняют не непосредственно своими художественными произведениями, а участвуя в качестве «общественных лиц» (XI, 162) в разного рода прениях и т. д. Такое представление об общественной роли писателя является по сути своей просветительским, далеким от романтических мессианских идей.

Конечно, тут невольно вспоминаются хрестоматийные строки:

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал...
 (III, 424)

Но, как уже говорилось выше, мысль о пробуждении поэтом добрых чувств в человеческих сердцах была не чужда и предшественникам Пушкина — Жуковскому, например. Чрезвычайно важно и то, что в этом стихотворении Пушкин отчетливее, чем где-либо, противопоставляет величие *посмертной славы* современным порицаниям, которые можно и должно презирать. «Чувства добрые», пробужденные лирой поэта в «жестокий век», будут иметь все то же значение по прошествии многих веков, — более того, по-настоящему раскроется этот высокий человеческий смысл поэзии только в потомстве. Вопрос о *современной славе* как бы снимается, оказывается не столь уж важным — и поэт обращается к Музе с исполненными спокойного достоинства словами:

Хвалу и клевету приемли равнодушно
 И не оспаривай глупца.
 (III, 424)

А вокруг кипела уже совершенно иная эпоха с иными представлениями о поэзии, о славе, о месте литературы в обществе. Эти новые веяния были ощутимы на всех уровнях культуры — от самых пошлых журнальных толков до самых высоких порывов творческого духа. Ведь даже Гоголь, на которого петербургские журналисты обрушились с теми же упреками, что на писателей пушкинского круга, и который сам осознавал себя причастным к этому кругу, — даже он был в своих взглядах на отношения писателя и публики человеком совершенно иной, не пушкинской эпохи.

Как нельзя более четко проявляется это различие между Пушкиным и Гоголем уже в их отношении к журнальным отзывам. Когда-то Пушкин писал Вяземскому: «Читая рецензии Воейкова, Каченовского и проч. — мне казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки приятельниц Варюшки и Буянова» (XIII, 57). В гоголевском отношении к подобным отзы-

вам нет и следа пушкинской легкости. «Критики я прочел также все с большим аппетитом. Жаль только, что ты не исполнил вполне моей просьбы и не прислал их всех. Зачем ты не велел скорописцу списать критик Сенковского? Их бы можно было уписистым почерком вместить на двух-трех листах почтовой бумаги и прислать прямо по почте. Нам следует все знать, что ни говорят о нас, и не пренебрегать никаким мнением, какие бы причины их ни внушили. Кто этого не делает, тот просто глуп и никогда не будет умным человеком. Мы, люди, вообще подлецы и не любим или позабываем оглядываться на себя»³³, — пишет Гоголь Н. Я. Прокоповичу в 1843 г. Да и «Театральный развезд...» начинается таким монологом Автора: «Нет, не рукоплесканий я бы теперь желал: я бы желал теперь вдруг переселиться в ложи, в галереи, в кресла, в раек, проникнуть всюду, услышать всех меня и впечатленья, пока они еще девственны и свежи. <...> Мне это нужно: я комик. Все другие произведения и роды подлежат суду немногих, один комик подлежит суду всех; над ним всякий зритель имеет уже право, всякого звания человек уже становится судьей его. О, как бы хотел я, чтобы каждый указал мне мои недостатки и порски! Пусть даже посмеется надо мной, пусть недоброжелательство правит устами его, пристрастие, негодование, ненависть — все что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не может без причины произвестись слово, и везде может зарониться искра правды. Тот, кто решился указать смешные стороны другим, тот должен разумно принять указанья слабых и смешных собственных сторон»³⁴.

Любопытно, что, говоря о специфике комедии как произведения, о котором могут судить *все*, Гоголь явно повторяет некоторые суждения из статьи Вяземского о «Ревизоре»: «Драматическое произведение, а в особенности комедия народная, или отечественная, принадлежит к сему разряду явлений, которые должны преимущественно обратить на себя общее внимание. О комедии каждый вправе судить; голоса о ней собираются не в тишине кабинета, не пред зеркалом искусства, не по окончании медленной процедуры и применения всех законов литературного кодекса. <...> Нет, голоса собираются по горячим следам в шумном партере, где каждый, кто внес законную долю установленного сбора, допускается к судейским креслам и рядит и судит за свои деньги о деле, подлежащем общему суждению»³⁵. Но то, что у Вяземского было сказано тоном спокойной

³³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. XII. С. 215.

³⁴ Там же. Т. V. С. 137—138.

³⁵ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 142—143.

констатации, у Гоголя приобретает почти экстатическую эмоциональную напряженность. У Вяземского не было и речи о том, что автор, слушая разнообразные суждения публики, должен извлечь из них нравственный урок для себя, пережить своего рода катарсис. Он просто констатировал, что сама природа театральной постановки дает возможность в одно и то же время услышать суждения, исходящие от двух принципиально различных разрядов читателей, — отзывы образованного общества, которое наделено настоящим литературным вкусом, и отзывы из «классов читателей, нуждающихся в пище простой, но сытой и здоровой»³⁶. Для Гоголя же услышать отзывы *всех* зрителей становится жизненной необходимостью, и то, что «Ревизор» не произвел ожидавшегося писателем живительного воздействия на всю публику, оказывается для него причиной мучительных переживаний, причиной бегства из России, а также и причиной полной эстетической переориентации, поиска новых выразительных средств.

В пушкинском кругу драма, происшедшая в душе Гоголя из-за «Ревизора», была не вполне понята, и это характерно. «Слава — нас учили — дым; / Свет — судья лукавый»³⁷, — в этих строчках Жуковского (1812) выражена важная сторона писательского самосознания, которое было свойственно уходящей в прошлое «пушкинской» эпохе. Современная слава не имела для писателей пушкинского круга решающего значения. Воспитанные в духе просветительских представлений о конечном торжестве образованного вкуса над всеми преходящими заблуждениями публики, они могли найти утешение в понимании узкого кружка ценителей и спокойно и мудро ожидать, что время когда-нибудь воздаст каждому по заслугам его. Им свойственно было и мудрое примирение с тем, что искусство не может воздействовать в равной мере на всех, — вспомним слова пушкинского Моцарта:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

(VII, 133)

А в представлении Гоголя искусство должно быть потрясением *для всех*, иначе оно не достигает своей цели. Отзывы це-

³⁶ Там же. С. 142.

³⁷ Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1956. С. 298.

нителей не утешают Гоголя, даже теоретически. «Рассмотри положение бедного автора, любящего между тем сильно свое отечество и своих же соотечественников, и скажи ему, что есть небольшой круг, понимающий его, глядящий на него другими глазами, утешит ли это его?»³⁸ — пишет он М. П. Погодину в 1836 г.

Гоголь стремился к непосредственному диалогу со всей массой своих современников, без различия их сословного положения и образованности³⁹. Именно поэтому он будет требовать, чтобы ему сообщали все отзывы о «Мертвых душах» и о «Выбранных местах из переписки с друзьями». И даже более, он будет «искать в неопределенном множестве русских людей как бы (...) соавторов при создании „Мертвых душ“»⁴⁰. В отличие от писателей пушкинской эпохи, для Гоголя будет иметь решающее значение именно современная слава — точнее, *суд* современников, их приговор, определяющий жизненную значимость созданий автора. Такое изменение писательского самосознания оказалось важным для судеб всей последующей русской классики XIX в., для которой, по выражению Н. А. Бердяева, будет характерна «жажда перейти от творчества художественных произведений к творчеству совершенной жизни»⁴¹.

Итак, в 1830-х годах взгляды на литературную славу во многом становятся иными, чем прежде. Этим новым представлениям суждено было сыграть немаловажную роль в дальнейшем развитии русской культуры. Однако, как нередко случается с самыми серьезными идеями, новые представления о литературной славе легко поддавались вульгаризации и подчас проявлялись в таких формах, которые сегодня кажутся совершенно абсурдными. Так, легенда о том, что пушкинская слава была создана усилиями приятелей, воспринимается сегодня как глупая шутка: настолько естественным кажется нам то поистине уникальное положение, которое ныне занимает Пушкин в русской культуре. И все же эта легенда возникает далеко не случайно. Как мы старались показать выше, процесс борьбы за утверждение новых отношений между писателем и публикой делал возникновение такой легенды вполне закономерным. Ведь в ней в карикатурном виде отразились некоторые реальные аспекты тех взглядов на норму отношений между писателем и публикой, которые были свойственны пушкинскому кругу.

³⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1952. Т. XI. С. 46.

³⁹ См.: Кривонос В. Ш. Проблема читателя в творчестве Гоголя. Воронеж, 1981. С. 16—21.

⁴⁰ Гукровский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 527.

⁴¹ Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 115.

В заключение же хочется отметить еще один момент. Легенда о Пушкине, захваленном приятелями, представляет интерес не только потому, что в ней отразилась смена некоторых ценностных ориентиров, важных для русской культуры XIX в. Эта легенда любопытна и в несколько ином плане.

Дело в том, что на рубеже 1820—1830-х годов, когда всеобщее преклонение перед Пушкиным сменилось едва ли не столь же всеобщим разочарованием, широкая публика испытывала нужду хоть в каком-то оправдании своего прошедшего «заблуждения». Прежнюю славу Пушкина надо было хоть как-то объяснить. В этих условиях сознание массового читателя с благодарностью **ухватилось** за легенду о том, что на Пушкина просто была «мода», что мода эта возникла благодаря усилиям его приятелей и т. д. В самом деле, такие объяснения избавляли обывателя от внутреннего дискомфорта и даже позволяли ему ощутить себя человеком рассудительным, сумевшим вовремя увидеть обман.

Таким образом, интересующая нас легенда оказалась своего рода спасительным якорем для обывательского сознания, в котором происходила смена одного стереотипа другим: от безотчетного преклонения перед Пушкиным читатели переходили к во многом столь же безотчетному развенчанию прежнего кумира. В этом плане легенда о славе, созданной приятелями, представляет интерес для уяснения закономерностей, определяющих восприятие литературы массовым читателем,— закономерностей, действие которых отнюдь не ограничивается XIX в.⁴²

---

⁴² О представлениях самого Пушкина о славе см. также: *Погопова Г. Е.* А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь о феномене литературной славы//«Внимая звуку струн твоих...»: Сб. ст. Калининград, 1993. Вып. 2. С. 19—39.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995